

Всю дорогу до места Гу Цин гадал, что же всё-таки произошло. Мэй Цзибай славился железной самодисциплиной; его требовательность к окружающим была лишь верхушкой айсберга, ведь к самому себе он был вдвойне беспощаден. Чтобы такой человек — и напился в стельку? Это казалось немыслимым.

Мэй Цзибай никогда не позволял себе терять лицо.

Если Тан Цзыцянь не лгал, значит, случилось нечто из ряда вон выходящее. Но зачем этот Тан вообще с ним связался? Их брак — лишь деловой союз, ширма. Посторонние могли верить в их чувства из-за напускной нежности на публике, но он, будучи близким другом Цзибая, едва ли мог так обмануться.

Впрочем, Гу Цин решил оставить догадки. Раз уж его позвали, ответы найдутся на месте.

Он приехал в частную винодельню, принадлежавшую, как и тот клуб, Тан Цзыцяню. Официант проводил его в комнату, но Мэй Цзибая там не оказалось. У барной стойки сидели лишь двое: сам Тан Цзыцянь и Чэн Дуньюэ. Эта троица — Цзибай, Тан и Чэн — были неразлучными друзьями и давними партнёрами по бизнесу.

Тан Цзыцянь указал на свободное место:

— Садись. Сперва нам нужно поговорить.

Гу Цин взял себя в руки и сел. Трое мужчин образовали за столом своего рода треугольник.

— Где Цзибай? — сразу спросил Гу Цин, переводя взгляд с одного на другого.

Чэн Дуньюэ открыто и добродушно усмехнулся.

— Когда Цзыцянь предложил позвать тебя, я был против. Но, глядя на тебя сейчас, вижу: ты и впрямь за него переживаешь. Молодой господин Гу, а ты сильно изменился.

Гу Цин даже бровью не повёл:

— Время видели? Стал бы я среди ночи по такому холоду сюда тащиться, если бы мне было плевать? Что за привычка — вызывать человека в неурочный час только ради того, чтобы над ним позубоскалить?

Он говорил довольно резко. Ситуация была странной, и сейчас его больше всего беспокоило состояние Мэй Цзибая, а эти двое вздумали вести светские беседы. Какие уж тут разговоры!

Тан Цзыцянь поставил бокал на стол:

— Я говорил Цзибаю, что хочу как-нибудь встретиться с тобой, но не думал, что случай представится так скоро. Мы могли бы и не звонить тебе сегодня, но...

Тан замолчал. Чэн Дунъюэ вздохнул и закончил фразу:

— Ты хоть знаешь, какой сегодня день?

«Сегодня? А что сегодня?»

Гу Цин нахмурился, пытаясь вспомнить. В недоумении он зажёг экран телефона, но сухие цифры на дисплее ничего ему не подсказали.

— Что за день? Сясюэ*, начало малых снегов. Просто дата в календаре. И что с того?

Тан Цзыцянь заметил его искреннее непонимание и двусмысленно ухмыльнулся:

— Трудно поверить, что ты именно тот человек, который поможет ему оправиться. Столь важная дата, а ты ни сном ни духом?

Гу Цин посмотрел холодно.

— Может, господин Тан проявит милосердие и просветит меня? Буду крайне признателен.

Чэн Дунъюэ не стал ходить вокруг да около:

— Ты ведь знаешь о Юй Цзиньняне? Два года назад в этот самый день он разбился, упав с крыши. Сегодня... вторая годовщина его смерти.

Гу Цин застыл. Годовщина смерти Юй Цзиньняня?

Сясюэ... Он никогда не следил за сменой сезонов и уж точно не помнил дату собственной гибели.

В груди разлилась тупая, тягучая боль. Если бы это не была настоящая любовь, разве стал бы кто-то так убиваться спустя два года? Для такого сдержанного человека, как Мэй Цзибай, пьянство до беспамятства означало лишь одно: рана в его сердце всё ещё кровоточит.

— Он правда любил Юй Цзиньняня? — голос Гу Цина прозвучал глухо. — Это не было... просто

интрижкой?

Чэн Дунъюэ вскинул брови:

— Тебе он кажется человеком, способным играть чужими чувствами? Он — полная противоположность Цзыцяню.

— Говори за себя, нечего меня в пример приводить, — огрызнулся Тан Цзыцянь, пнув ножку стула друга.

— Так ему проще понять будет!

Пока приятели обменивались колкостями, Гу Цин погрузился в свои мысли. Как бы он ни пытался отрицать очевидное, правда теперь стояла перед ним во весь рост. Ошибаться дальше было невозможно.

Похоже, с самого начала он был слишком предвзят к Мэй Цзибаю и в упор не замечал того, что творилось у него под носом.

Тан Цзыцянь посерьёзnel:

— Ты и впрямь не знал? Отношения Цзибая и Юй Цзиньняня не афишировались, но когда тот погиб, пресса об этом трубила вовсю. Это не было секретом в нашем кругу. Даже учитывая, что Цзибай лично занимался похоронами и заставил газеты замолчать, ты не мог совсем ничего не слышать... Странно это.

Гу Цин уловил в словах Тана нотку насмешки, но спорить не стал. Свои похороны... Он действительно ими не интересовался.

Возродившись спустя два года, он старался не искать информацию о своей смерти. Расследуя дело о падении Ван Чжэня, он подсознательно избегал всего, что не касалось фактов. Возможно, это была обычная защитная реакция — нежелание ворошить собственную гибель.

Чэн Дунъюэ прервал затянувшееся молчание:

— Гу Цин, давай о делах насущных. Ты же понимаешь: Цзибай не из тех, кто покорно пойдёт под венец ради выгоды. Он согласился на этот брак по своей воле. Ты не задумывался, почему?

Гу Цин помедлил, затем кивнул:

— Думал об этом. Кроме старой дружбы наших отцов, я не видел других веских причин.

Он понимал, что за этим кроется нечто большее, но истина ускользала от него.

«Моё обожание? Обычный расчёт?» — всё это казалось лишь поверхностным оправданием.

Тан Цзыцянь выложил карты на стол:

— Потому что ему стало всё равно. После того как всё случилось, ему стало безразлично, на ком жениться.

Чэн Дуньюэ помрачнел:

— Мы, как друзья, пытались его переубедить. Но если он что-то вбил себе в голову — это на всю жизнь. Даже если человека больше нет, он не изменит своего решения. Мы позвали тебя сегодня, потому что после вашей свадьбы ему стало чуть лучше. Если ты и впрямь сможешь вытащить его из этой ямы, мы тебя только поддержим.

Гу Цин не ожидал такого услышать.

Ему нужно было всё осмыслить.

Мэй Цзибай согласился на брак, потому что «Юй Цзиньнянь» умер. Его сердце остыло, вера в чувства испарилась, а значит, было уже неважно, с кем делить жизнь — ведь того, единственного, больше не было.

И всё это подтверждало лишь одно: Мэй Цзибай действительно любил его. Глубоко и искренне.

Пальцы Гу Цина мелко дрожали. Он попытался улыбнуться, но из-за саднящей боли в груди вышла лишь жалкая гримаса.

— Я не знаю, смогу ли я... — прошептал он.

Сможет ли?

Пока правда не выплыла наружу, пока долги семьи Юй не возвращены, пока нет доказательств, что семьи Мэй и Юй не связаны тем старым делом — он не сможет открыться. Как бы ни было больно, как бы ни грызло чувство вины, он не признается, что он и есть Юй Цзиньнянь.

Слова застревали в горле.

Это было тёмное, безрадостное прошлое. Он не хотел вскрывать старые раны. Статус

наследника семьи Гу сейчас давал ему гораздо больше возможностей. Да и что изменит правда? Сможет ли он жить спокойно, наслаждаясь нынешним благополучием? Смерть родителей висела над ним тяжким грузом, он не мог просто перешагнуть через это.

Если выяснится, что семья Мэй была лишь сторонним наблюдателем, возможно, когда-нибудь он наберётся смелости и всё расскажет.

Тан Цзыцянь лишь вздохнул. Он не понимал такой преданности Юй Цзиньяню, но уважал выбор друга.

— Внешне Цзибай за эти два года почти не изменился, но мы, те, кто рядом, видим — он стал ещё холоднее.

— Если раньше он был подобен благородному белому нефриту, который светится даже в темноте, то теперь... камень остался прежним, а вот свет в нём почти погас.

— Если проще — в нём жизни не осталось, — вставил Чэн Дунъюэ.

Гу Цин вспомнил Мэй Цзибая перед своей смертью и после «воскрешения». Действительно, его взгляд всё ещё казался мягким, но он смотрел с непроглядной, ледяной тьмой в глубине своих фениксовых глаз.

Тан Цзыцянь недовольно покосился на друга:

— Радуйся, что Цзибая здесь нет. Ноги убери, сидишь как в кабаке.

Чэн Дунъюэ сконфуженно выпрямился, но тут же доверительно склонился к Гу Цину и подмигнул:

— Ты же понимаешь, о чём я? Я парень простой, а эти двое — эстеты до мозга костей. Дружить с ними — та ещё мука.

Гу Цин неловко усмехнулся:

— Может, вернёмся к делу?

— Дунъюэ прав, — подхватил Тан Цзыцянь. — С тех пор как вы поженились, он ожил. Снова стал похож на человека, а не на ледяное изваяние. Не знаю, как тебе это удалось, но мы тебе благодарны. Плевать, каким ты был раньше, это в прошлом. Главное — то, что сейчас.

Чэн Дунъюэ согласно закивал:

— Именно. Важно лишь настоящее и будущее. Нам всё равно, чем ты занимался раньше, лишь бы впредь не пускался во все тяжкие и заботился о нём. Твоё восхищение, твоя любовь... мы в них верим.

Тан Цзыцянь прищурился и понизил голос:

— Последний вопрос, Гу Цин. Что ты на самом деле чувствуешь к Цзибаю?

Гу Цин не нашёл слов.

Он отвел взгляд и после долгой паузы произнёс:

— В голове полная неразбериха.

Тан Цзыцяню не нужен был чёткий ответ здесь и сейчас. Он хотел лишь, чтобы Гу Цин всерьёз задумался об их отношениях. Он указал на дверь комнаты отдыха:

— Уже поздно. Он выпил, ему нельзя на холод. Оставайся на ночь здесь.

Гу Цин поблагодарил его и направился к двери.

Когда за ним закрылась дверь, Чэн Дуньюэ в замешательстве спросил:

— Неужели он не любит Цзибая? Мне казалось, он без ума от него.

— Любит, просто сам ещё не понял, — Тан Цзыцянь был уверен в своём умении читать людей. Он чокнулся бокалом с Чэном. — Ты же знаешь Цзибая. Если он кого-то выбрал — тот уже не сбежит. Пока он жив... и Мэй Цзибай не из тех, кто дважды совершает одну и ту же ошибку.

Чэн Дуньюэ с облегчением улыбнулся:

— Это точно. С виду беспристрастен, но своего не упустит. Чувство собственности у него будь здоров.

Тан Цзыцянь усмехнулся. Именно. О чём бы ни думал сейчас Гу Цин, ему уже не вырваться. Не стоило провоцировать Мэй Цзибая — теперь слишком поздно.

Он уже хотел спросить Чэна, остаётся ли тот, как экран его телефона вспыхнул. Тан мельком глянул на сообщение, и его взгляд стал азартным.

Чэн Дунъюэ почувствовал, как по спине пробежал холодок — такой взгляд бывал у Тана, когда тот видел добычу.

— Кто пишет?

— Одна колючая маленькая прелесть, — Тан Цзыцянь поднялся, явно в отличном настроении.
— Ночь длинна, и проводить её в одиночестве — преступление. Я пошёл, располагайся.

Чэн Дунъюэ не стал расспрашивать. Очередная игрушка, которую Тан выбросит через пару недель.

— Валяй. Я останусь, посмотрю утром, как там Цзибай.

— Договорились. Комната та же, если что — звони.

Выйдя из винодельни и взглянув на низкое черное небо, Тан Цзыцянь наконец выдохнул с облегчением. Пусть он и действовал на свой страх и риск, вызвав сюда Гу Цина, — он не ошибся. Мэй Цзибай был слишком сдержан в чувствах. Юй Цзиньнянь с его характером мог и не осознать всей глубины этой любви. А значит...

В случае с Гу Цином они не могли допустить повторения трагедии.

Гу Цин вошёл в комнату без колебаний, но, оказавшись внутри, замер.

В огромном помещении горело лишь бра у изголовья, заливая всё вокруг мягким янтарным светом. Человек на кровати спал, его дыхание было ровным и спокойным. Гу Цин смотрел на этот безупречный профиль, и ноги его словно налились свинцом.

Его чувства к Мэй Цзибаю были слишком запутанными, а после сегодняшнего разговора клубок противоречий затянулся ещё туже. Он ведь твердил себе: не думай о чувствах, просто отомсти. Но сердце не слушалось.

Прошло немало времени, прежде чем он заставил себя подойти к кровати. Но стоило ему замереть рядом, как человек, который должен был крепко спать, медленно открыл глаза.

Гу Цин застыл, не в силах отвести взгляда.